

О НЕЗАВИСИМОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Федорин Владимир Евгеньевич

кандидат юридических наук,
Воронежский государственный университет
fedorin-ve@mail.ru

ON THE INDEPENDENCE OF DEFENSE ATTORNEY ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Fedorin

Summary. The article examines current issues, theories, and practices related to the independence of a defense attorney in criminal proceedings. The legislative standards for the objectivity and impartiality of a defense attorney and their activities are significantly inferior to the similar requirements imposed on the judicial system and other participants in criminal proceedings, such as prosecution bodies, experts, specialists, and interpreters.

Despite the possibility of personal bias or the presence of personal interests in a defense attorney, their partiality must either fully coincide with the legitimate interests of the defendant or, at the very least, not contradict them or violate their rights. It is unlawful to completely deny the necessity of objectivity and impartiality of a defense attorney, as well as the importance of objective defensive activities. Legislation, including the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and regulatory acts governing the activities of attorneys, provides several legal guarantees aimed at ensuring the objectivity and impartiality of the defender.

Some of these provisions require revision. It is advisable to amend Part 1, Article 72 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to include a provision stating that a defense attorney is not entitled to participate in the proceedings of a criminal case if they previously served as the head of an investigative department or held a position in bodies conducting operational investigative activities within the framework of this case.

Keywords: independence, bias, objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, investigator, inquirer, prosecutor, court, judge, investigative body, attorney, representative, suspect, accused, victim.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, теории и практики, связанные с независимостью адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Стандарты законодательных требований к объективности и беспристрастности адвоката-защитника и его деятельности существенно уступают по уровню аналогичным требованиям, предъявляемым к судебной системе, участникам уголовного процесса, таким как органы преследования, эксперты, специалисты и переводчики.

Несмотря на возможность личной предвзятости или наличия личных интересов у адвоката-защитника, его пристрастие должно либо полностью совпадать с законными интересами подзащитного, либо, по крайней мере, не противоречить им и не нарушать его права. Полностью отрицать необходимость объективности и беспристрастности адвоката-защитника, равно как и важность объективной защитительной деятельности, неправомерно. Законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ и нормативные акты, регулирующие деятельность адвокатов, предусматривает ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности защитника.

Некоторые из указанных положений требуют доработки. В пункте 1 части 1 статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации целесообразно внести дополнение о том, что защитник не имеет права участвовать в производстве по уголовному делу, если ранее он выступал в роли руководителя следственного отдела или занимал должность в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в рамках данного дела.

Ключевые слова: независимость, предвзятость, объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, следователь, дознаватель, прокурор, суд, судья, следственный орган, адвокат, представитель, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший.

На первый взгляд, кажется, что независимость адвоката в уголовном процессе вызывает сомнения. В отличие от судей, прокуроров, следователей и дознавателей, на адвоката не распространяется ограничение, касающееся личной заинтересованности в исходе дела. Статья 61 УПК РФ, регламентирующая недопустимость участия в деле лиц, имеющих личную заинтересованность, не распространяется на адвокатов. Адвокат, нанятый подозреваемым или обвиняемым, имеет прямой материальный интерес в успешном исходе дела, так как его гонорар зависит от результатов защиты. Таким образом, его деятельность не может считаться полностью независимой.

Действующее законодательство, в частности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, не содержит ограничений на представление интересов подозреваемого, обвиняемого или подсудимого адвокатом, являющимся его родственником. Несмотря на то, что в подобных ситуациях личная заинтересованность в исходе дела, зачастую не связанная с материальной выгодой, представляется вполне закономерной.

В соответствии с пунктом 3 статьи 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не имеет права занимать позицию, противоречащую желанию клиента, кроме си-

туаций, когда адвокат уверен в ложном признании вины доверителем. В отличие от судьи, присяжных, прокурора, следователя или дознавателя, закон не обязывает адвоката оценивать доказательства на основе внутреннего убеждения, сформированного совокупностью доказательств по уголовному делу, руководствуясь законом и совестью (статья 17 УПК РФ). Следовательно, принцип свободной оценки доказательств не применяется к адвокату.

Вместе с тем, изучение других законодательных норм и прецедентного права свидетельствует о необоснованности как полного отрицания беспристрастности адвоката-защитника, так и объективности осуществляемой им защиты.

Анализ нормативных актов, регламентирующих работу адвокатов, выявляет наличие ряда юридических гарантий, призванных обеспечить непредвзятость адвоката в рамках уголовного судопроизводства. Рассмотрим эти гарантии подробнее.

В ст. 72 УПК РФ говорится, что защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

- 1) ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;
- 2) является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;
- 3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого или подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Обоснованным является отвод адвоката, выступающего в качестве защитника по уголовному делу, если ранее он имел процессуальный статус, указанный в пункте 1 части 1 статьи 72 УПК РФ. Объективность и нейтралитет указанных участников, а также их профессиональной деятельности, являются гарантией вынесения правосудных и законных решений по делу, что в конечном итоге обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства.

Возникновение «иного статуса» вызывает закономерные вопросы касательно непредвзятости как следственных действий или судопроизводства, так и работы адвоката. Это связано с тем, что юрист, прежде задействованный в деле в роли следователя, прокурора и т.п., при осуществлении защиты оказывается в ситуации, когда должен критически оценивать свои прежние процессуальные решения и их последствия, что практически нереализуемо без предвзятости.

Вместе с тем, важно отметить необходимость включения в список лиц, указанных в статье 72 УПК РФ, руководителя следственного органа и сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Как уже упоминалось, данные участники уголовного процесса, безусловно, принадлежат к стороне обвинения и играют важную роль в уголовном преследовании.

В продолжение анализа причин, по которым защитник может быть отстранен от участия в уголовном деле, следует подчеркнуть, что положения пункта 2 части 1 статьи 72 УПК РФ, регламентирующие невозможность участия адвоката в деле в качестве защитника, если он состоит в родственных связях с другими профессиональными участниками уголовного процесса или представляет интересы, противоположные интересам лица, заключившего с ним соглашение о защите, представляются вполне обоснованными.

Анализ материалов следствия и судебных решений демонстрирует, что наиболее распространенной причиной отстранения адвоката от участия в уголовном деле является оказание или предшествующее оказание им юридической помощи лицу, чьи интересы расходятся с интересами его текущего подзащитного, подозреваемого, обвиняемого или представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (согласно п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Суды квалифицируют нарушение данного запрета как значительное нарушение норм уголовно-процессуального законодательства. В качестве типичного примера можно привести случай из практики Верховного Суда РФ.

Б., С. и Е. признаны судом виновными в разбое с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, совершенного группой лиц по предварительному сговору, а Б. и С. — и в умышленном убийстве потерпевшего.

Военная коллегия Верховного Суда РФ 30 октября 2001 года отменила приговор Приволжского окружного военного суда в отношении Б. и С. в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, указав, в частности, следующее:

Как следует из материалов, адвокат Г. представлял интересы Б. на предварительном следствии, согласно

ордеру от 15.11.2000, и участвовал в допросе Б. в качестве защитника. Однако, уже на следующий день, после заключения соответствующего соглашения, защиту Б. осуществляла адвокат К.

Согласно материалам уголовного дела, интересы обвиняемого С. на этапе предварительного следствия в течение четырех месяцев представляла адвокат Е. В связи с возникшими у нее проблемами со здоровьем, 13 марта 2001 года к защите С. был привлечен адвокат Г. Он принимал участие в следственных мероприятиях с подзащитным, изучал материалы дела по завершении предварительного расследования, а также обеспечивал защиту его прав и интересов в ходе судебного разбирательства.

Тем не менее, анализ материалов дела выявляет значительные расхождения в показаниях Б. и С. Изначально, в ходе предварительного следствия, С. заявлял, что единолично применял физическую силу к пострадавшему, хотя вещи из квартиры выносили они совместно с Б. Впоследствии его показания изменились, и он указал на причастность Б. к избиению, утверждая, что тот нанес потерпевшему три удара монтировкой по голове. В ходе допроса, проводившегося в присутствии адвоката Г., он представил более детализированное описание действий Б. во время разбойного нападения, сообщив, что Б. нанес потерпевшему многочисленные удары монтировкой по голове.

В ходе судебного разбирательства оба обвиняемых твердо придерживались ранее данных показаний. Вышеупомянутые факты указывают на незаконность вовлечения адвоката в процесс предоставления юридической поддержки С. в его защите.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает дополнительные ограничения, призванные гарантировать объективность и непредвзятость адвоката.

Так, согласно п.2 ч.4 ст.6 Закона, адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях: если он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица; если он участвовал в деле не только в качестве лиц, перечисленных в ст. 72 УПК РФ, но и был по делу потерпевшим; если являлся должностным лицом, в компетенции которого находилось принятие решения в интересах данного лица.

В Кодексе профессиональной этики адвоката, утвержденном Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, закреплены нормы, призванные гарантировать беспристрастность и непредвзятость адвокатской деятельности.

В соответствии со ст. 9 Кодекса адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам лица, обратившегося к адвокату за юридической помощью, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или под воздействием давления извне.

Анализ приведенных положений УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката позволяет сделать следующие выводы:

- 1) в действующих нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность адвоката, содержат ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности адвоката-защитника;
- 2) уровень законодательных требований к объективности адвоката-защитника значительно ниже, чем уровень подобных требований к суду, субъектам уголовного процесса, осуществляющим уголовное преследование, экспертам, специалистам и переводчикам. Это положение обусловливается рядом объективных факторов, прежде всего зависимостью позиции по делу адвоката от позиции (воли) подзащитного;
- 3) адвокат-защитник может быть пристрастен, может иметь в деле личный интерес, однако его пристрастие, его личный интерес непременно должен совпадать, или, по крайней мере, не противоречить законным интересам подзащитного, и не нарушать его права. Неточным представляется утверждение И.Л. Трунова о том, что вне зависимости от личного отношения к проступку подозреваемого или обвиняемого или к нему самому, *адвокат обязан быть беспристрастен, руководствоваться законом и осуществлять квалифицированную защиту, даже если он не согласен с избранной подзащитным позицией защиты, он не вправе занимать позицию, расходящуюся или противоречащую позиции подзащитного* [1].

Законодательство зарубежных стран содержит и иные основания, при наступлении которых защитник может быть исключен из уголовного процесса. Так, в Англии, Дании, Швеции в уголовно-процессуальном законе предусмотрено такое основание, как процессуальный саботаж защитника. В Италии одним из оснований считается необъективное ведение защиты [2]. Аналогичная норма существует в ст.61 УПК Украины. Согласно данной норме, не может быть защитником лицо, которое, злоупотребляя своими правами, препятствует установлению истины по делу, затягивает расследование или судебное разбирательство дела, а также лицо, которое нарушает порядок в судебном заседании или не выполняет распоряжений председательствующего во время судебного разбирательства дела.

Что касается процессуального саботажа как основание для исключения защитника из уголовного процесса, то, на наш взгляд, данный законодательный опыт использовать не следует. Указанное основание вследствие своей неопределенности способствуют субъективизму судей, которые могут руководствоваться в решении данного вопроса лишь собственными симпатиями либо антипатиями.

Более сложным является вопрос об объективности или необъективности защиты. Для исключения всякого профессионального участника (в том числе и адвоката) из уголовного процесса достаточно установления (доказывания) обстоятельств, которые по мысли законодателя сами по себе обуславливают высокую вероятность (дают основания полагать) необъективность этого участника. Доказывать же саму необъективность участника уголовного процесса не требуется.

В то же время для вывода о том, что уголовно-процессуальная деятельность осуществлялась необъективно следует доказать в чем именно выражалась ее необъективность. Необъективность уголовно-процессуальной деятельности профессионального участника уголовного судопроизводства по существу является правонарушением, за которое указанный участник должен привлекаться к ответственности.

Поэтому объективное или необъективное ведение защиты, по нашему мнению, можно констатировать лишь при наличии следующего обстоятельства: вынесения оправдательного приговора, снижения либо освобождения от наказания, прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям в результате исследования доводов и аргументов, которые представлены органу, принимающему итоговое решение, не защитником, а иными участниками процесса. Обязательным условием при этом является то, что защитник имел реальную возможность представить эти доводы и аргументы в целях защиты прав и законных интересов своего подзащитного, но не представил их в силу предвзятости либо пристрастности, не согласующейся с законным интересом подзащитного.

В данном случае следует согласиться с Ю.П. Гармаевым, который акцентирует внимание на необходимости усиления ответственности адвокатов, нарушающих требование закона «Об адвокатуре» о честном, разумном и добросовестном отстаивании интересов доверителя (п.1 ч.1 ст.7 Закона об адвокатуре) [3].

На протяжении длительного времени предметом острых дискуссий является вопрос о допустимости исключения защитника из уголовного процесса в связи с подозрениями защитника в противоправной деятельности. Данный вопрос в российском уголовно-процес-

суальном законодательстве отражения не получил, хотя проблема исключения адвоката по указанному основанию для отечественного уголовного судопроизводства актуализировалась. В первую очередь это связано с упрочением в России за последние 10–15 лет организованной преступности, ростом коррупции, проявлений терроризма. Защиту по делам первых двух категорий нередко осуществляют так называемые «вовлеченные» либо «коррупцированные» адвокаты [4]. Как показал зарубежный опыт, защиту по делам о преступлениях террористических организаций (проблема терроризма для России превратилась в одну из наиболее острых) иногда осуществляют члены указанных организаций.

По нашему мнению, исключение адвоката-защитника из уголовного процесса при подозрении в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием, вполне обоснованно. Такое исключение, как и исключение на основании того, что адвокат ранее участвовал в уголовном деле в ином качестве или состоит в родственных отношениях с профессиональными участниками процесса, имеет профилактический характер. Законодатель таким образом стремится предотвратить возможную необъективность защиты. В случае подозрения в совершении преступления защита не может быть объективной по следующим причинам:

- 1) адвокат-защитник, который одновременно является соучастником, весьма вероятно будет искажать свою роль в преступной деятельности (преуменьшать ее или напротив, преувеличивать);
- 2) адвокат, выступающий в роли защитника, скорее всего, будет сосредоточен не на защите прав и законных интересов своего подзащитного, а на собственной защите от обвинения;
- 3) в такой ситуации адвокат, являющийся соучастником, с высокой вероятностью не будет отстаивать права и законные интересы подзащитных, а станет оправдывать само преступление, в котором он участвовал.
- 4) весьма вероятно, что под угрозой уголовного преследования, успешное осуществление которого приведет к запрету профессиональной деятельности, адвокат-защитник прибегнет к незаконным методам осуществления защиты.

В то же время дискуссионным является вопрос о процессуальных основаниях исключения защитника из уголовного процесса на основе подозрения в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием.

Так, наиболее обширный перечень оснований рассматриваемой категории был установлен в уголовно-процессуальном законодательстве Германии после судебного разбирательства по делу о преступлениях

террористической организации Баадер-Майнхоф. В ходе процесса было установлено, что защиту осуществлял агент этой организации. [5] В соответствии с законами «О дополнении первого закона о реформе уголовно-процессуального права» от 20.12.74 и «Об изменении уголовно-процессуального кодекса» от 14.04.78, который получил широкую известность как «Закон против терроризма», в УПК Германии были внесены следующие основания для исключения защитника из уголовного процесса:

- если он подозревается в том, что совместно со своим подзащитным участвовал в совершении уголовно наказуемого деяния (§138 а, УПК);
- если, по крайней мере, существует достаточное подозрение в том, что защитник злоупотребляет общением с обвиняемым, находящимся под стражей и тем самым создает существенную угрозу совершению уголовно-наказуемого деяния;
- если в отношении защитника существует достаточное подозрение в том, что он злоупотребляет общением с обвиняемым, находящимся под стражей, и таким образом создается большая угроза безопасности места заключения (§138, а УПК);
- если участие защитника по определенным делам о защите государства угрожает государственной безопасности ФРГ (§138 б УПК).

Решение об исключении защитника из процесса принимает высший земельный суд (§138в УПК) [6].

Обоснованность указанных законоположений вызывает сомнение. В данном случае следует согласиться с германским правоведом Г.Г. Кюне, который полагает, что «так как для обоснования исключения защитника достаточно простого подозрения, то по этим уголовным делам теоретически возможно исключение любого не понравившегося защитника» [7].

Отметим, что Европейский суд по правам человека, принимая решение по конкретному делу, констатировал, что государство может устанавливать условия, которым должны будут отвечать допускаемые к суду адвокаты, а также правила деонтологической этики, которые они обязаны будут соблюдать. Суд счел совместимым с требованиями абзаца с пункта 3 ст.6 Европейской Конвенции по Правам Человека отстранение некоторых адвокатов по той причине, что в отношении них существовали серьезные подозрения в поддержке ими преступной организации, в которую как предполагалось, входили обвиняемые [8].

Таким образом, по мнению Европейского Суда по Правам Человека, исключение защитника возможно лишь в случае серьезного подозрения. На наш взгляд, для решения вопроса об исключении защитника из уголовного процесса по рассматриваемым основаниям

национальный законодатель должен предусмотреть дополнительные процессуальные гарантии, в которых бы четко отражались критерии «серьезности» подозрения. В данном случае какой-либо субъективизм крайне опасен, ибо речь идет не о нейтральных основаниях исключения адвоката-защитника из уголовного процесса (участия в деле в качестве другого субъекта уголовного процесса, наличие родства и т.д.), а об обстоятельствах, констатация которых ставит под сомнение саму возможность данного лица заниматься адвокатской деятельностью по уголовным делам.

Кроме того, необходимо учитывать и один из важнейших принципов уголовного процесса — презумпцию невиновности. Поскольку речь идет о подозрении в совершении адвокатом преступления, на него полностью распространяется действие указанной презумпции.

На наш взгляд, основанием для исключения адвоката-защитника из участия в уголовном деле в связи с подозрением в совершении противоправной деятельности, являющейся предметом данного дела, может являться лишь официальное признание адвоката-защитника подозреваемым или обвиняемым по данному делу.

Думается, что решение об исключении адвоката-защитника из процесса не может приниматься лишь на основе сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, подтверждающих «общение», «сотрудничество», и даже «соучастие» адвоката с лицами (группами) лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности. Иное дело, если данные сведения в соответствии со ст.89 УПК РФ отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и наряду с доказательствами были использованы в данном качестве в доказывании, по результатам которого адвокат-защитник был признан подозреваемым либо обвиняемым.

По нашему мнению, с учетом требований УПК РФ, адвокат-защитник должен быть исключен из участия в уголовном процессе по рассматриваемому основанию, если:

- в отношении него возбуждено уголовное дело;
- он задержан в соответствии со ст.91 и 92 УПК РФ;
- к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст.100 УПК РФ;
- в отношении него вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- в отношении него вынесен обвинительный акт.

С учетом изложенного обоснованным представляется внесение следующего дополнения в УПК РФ:

Основанием исключающим дальнейшее участие адвоката в уголовном процессе по причине подозрения в совершении противоправных действий, связанных

с рассматриваемым делом, является лишь признание этого лица подозреваемым или обвиняемым в рамках конкретного производства, в соответствии с процедурами, установленными статьями 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как уже отмечалось ранее, мы считаем, что решение о выводе или исключении адвоката из уголовного процесса на стадии предварительного расследования должно приниматься судом. Результаты проведенного автором опроса показали, что практически все опрошенные адвокаты и большинство (71 %) судей, а также значительная часть следователей (42 %) согласны с указанным предложением.

В заключение отметим, что проблема обеспечения объективности адвоката-защитника может и должна решаться не только путем создания процессуальных гарантий, но и организационно-правовыми средствами.

Так, в последнее время серьезной проблемой стало участие в уголовных делах коррумпированных адвокатов-защитников, ранее работавших в правоохранительных органах, и установивших со своими бывшими коллегами прочные криминальные связи. Согласно данным опроса, проведенного среди адвокатов, входящих в состав МГКА, большинство участников считают важным ввести запрет для адвокатов — бывших сотрудников следственных органов — заниматься делами по месту своей прежней работы. Такой запрет обусловлен опасениями, что связи между следователями и их бывшими коллегами-адвокатами могут способствовать возникновению конфликтов интересов и злоупотреблений [9]

Думается, что данная рекомендация (при условии определения срока запрета до 3-х или 5 лет) вполне может быть реализована и в других крупных городах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе / И.Л. Трунов. М., 2005. С.100–101.
2. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С.85.
3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве / Ю.П. Гармаев. М., 2005. С.358–363.
4. Подробнее о характеристике адвокатов, осуществляющих незаконную деятельность см.: Гармаев Ю. П. Указ. соч. С. 80–111.
5. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С. 80.
6. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. М., 2001. С.453.
7. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С.81.
8. Гротрайн Эндрю. Статья 6 Европейской конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство / Эндрю Гротрайн. Страсбург, 1994. С.34.
9. Петрухин И.Л. Отчет о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской городской коллегии адвокатов // Рассказывают адвокаты. М., 2000. С. 114–115.

© Федорин Владимир Евгеньевич (fedorin-ve@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»